

гой же стороны, сгладив многие истинно Русские обороты, не мог передать нежных оттенков мыслей. В подлиннике все дышит жизнью, поэзией; везде связь естественная, неразрывная; каждая мысль легко переливается в другую; нет ни лишних частиц, кои всегда обременяют наш язык стройный, величественный, ни растянутых оборотов, именно потому, что каждое слово на своем месте. В переводе конструкция единообразная, вялая, прозаическая. Примером может служить почти каждая строка. Одним словом, переводчик не исполнил своего долга главного: не передал тона; при лучшем успехе он мог бы оказать важную услугу: обогатить наш язык новыми, истинно Русскими оборотами. И мы вправе сего требовать: из всех памятников нашей древней словесности «Слово о полку Игореве» доставляет в сем случае обильнейшую жатву.

II. Не выразив тона и души оригинала, г[-н] Вельтман часто погрешает в подробностях, вопреки первым условиям перевода. Именно:

1) одну и ту же фразу при одинаковых обстоятельствах он передает совершенно разными словами. Например, слово: П л ѡ н ѣ И г о р е в ѣ в одном месте переведено: ополчение Игоря (стр. 3), в другом — подвиги Игоря (стр. 3), в третьем — р а т ь (стр. 17), в четвертом — ополчения (стр. 19).

2) Не соблюдена сила многих слов или не выражены оттенки их: «з а р ѣ з а Р е д е д ю п р е д ѣ п л кы К а с о ж с к и м и» переведено: «Редедю с р а з и л п р е д в о й с к а м и К а с о ж с к и м и» (стр. 5). «Трудныя повѣсти» перев[едено:] «высокие сказания» (1). «Игорь къ Дону вои ведеть» в перев[оде:] «Вот Игорь с дружиной близится к Дону» (8). «Лисици брешутъ на чръленыя щиты» перев[едено:] «И воют лисицы, завидев цвет чермный щитов» (9). В последней фразе не соблюдена даже гармония слога

3) Делая перифразы там, где не нужно, слова устаревшие не переводит. «Възрѣ на свѣтлое солнце» (просто: взглянул) переведено: «вскинул взоры (1) на светлое солнце».

4) Многие растянуто. Поэтическое выражение «Спало Князю умъ похоти... искуситъ Дону великаго» переведено самую обыкновенною прозою: «Желанье испить из великого Дона умом овладело».

5) Многие, чего нет в подлиннике, прибавлено: «Боянъ бо вѣщій аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслию по древу» переведено: «Бояна мысли текли в вышину, так, как соки по древу». К чему это? и могут ли соки течь по древу?

6) После сих примеров едва ли можно надеяться, чтобы г. переводчик удачно истолковал слова, действительно невразумительные. И в самом деле, чего не успели изъяснить удовлетворительно прежние Издатели, не объяснено и г[-ном] Вельтманом: догадки его неудачны. В подтверждение сего достаточно одного примера: «Дивъ (филин) кличетъ върху дерева» переведено «А чудо (?) с вершины древесной и вопит и манит»...

В заключение нельзя не заметить странной мысли г[-на] Вельтмана о языке певца Игореве: стараясь разрешить вопрос, предложенный Ученым обществом, «на каком языке писано „Слово о полку Игоревом“?» на древнем ли славянском, существовавшем в России до перевода книг священных, или на каком-нибудь наречии областном?, г[-н] переводчик говорит (не опираясь ни на какое доказательство), что «оно писано на языке, собственно певцу Игоря принадлежащем; на соединении всех наречий славянских, очищенных высоким чувством поэта». Сию мысль следовало бы подтвердить доказательствами историческими, а не примером Ломоносова, который, напротив того, писал на одном наречии Русском,